

ка возникало много раз в разные эпохи. Успехи естествознания в конце прошлого века привели к тому, что и в филологии формировались направления, опиравшиеся на идеи Ч. Дарвина. Когда уже в начале нашего столетия французский филолог Г. Лансон опубликовал книгу «Метод в истории литературы» (она вскоре была переведена и на русский язык), то он отмечал увлечение «цифрами и арифметическими подсчетами» даже у таких историков литературы и критиков, как И. Тэн и Ф. Брюнетьер²⁷. А в Италии в 80-х годах минувшего столетия один из виднейших филологов Франческо де Санктис выступил даже со специальным исследованием на тему «Дарвинизм в искусстве»²⁸.

Как видим, представление о том, что если идет речь о *точности*, то подобная точность должна иметь арифметико-математические формы выражения, настолько глубоко проникает в сознание многих людей, что и в искусстве подобное истолкование точности, хотя и противоречит природе самого искусства, все же много раз возрождалось и возрождается в наше время.

Известно, что Эрнест Хемингуэй любил сравнивать художественный образ у большого писателя с айсбергом, одна десятая часть которого возвышается над поверхностью океана, а девять десятых находятся под водой. Художественная точность тоже предполагает нечто подобное. Всё, выраженное только частично, только намеком, может казаться внешне неточным, но по существу быть глубоко обоснованным внутренне. Здесь тоже речь идет о точности другого рода, нежели точность арифметическая. В знаменитом стихотворении Фридриха Шиллера «Художники» есть слова, так звучащие в русском переводе:

В уменье пчела человека наставит
В прилежании научит червь долин...
Искусством же, человек, владеешь ты один.

7

Только догматическому сознанию кажется, что понятие *оттенка* и понятие *точности* несовместимы друг с другом. Между тем в языке они не только совместимы, но и немислимы друг без друга. Точность без оттенков, которыми она же располагает, оказывается грубой точностью, приблизительной точностью. При этом сама точность не выступает как понятие строго функциональное.

В знаменитом стихотворении Тютчева «Есть в осени первоначальной» имеются строки, в которых сообщается, что ранней осенью «паутины тонкий волос блестит на праздной борозде». Догматическому сознанию может показаться, что борозда «праздной быть не может», что это неточное выражение, неточное словосочетание. Между тем здесь все сказано точно и лаконично. *Борозда* стала *праздной* ранней осенью: урожай уже снят и борозда больше не служит человеку, и хотя она *праздной* стала фигурально, но от этого все выражение не перестает быть точным. Но эта уже знакомая нам точность функциональная, контекстная, разумеется, не арифметическая. Известно, что Гольденвейзер в своих воспоминаниях о Льве Толстом отмечал эти строки Тютчева с восклицанием Толстого: как *точно* сказано!²⁹ «Язык, — замечает по другому поводу М. Бахтин, — нужен поэзии весь, всесторонне и во всех моментах, ни к одному нюансу лингвистического слова не остается равнодушной поэзия»³⁰. Больше того. Поэзия не только пользуется всеми нюансами общелитературного языка, но и дальше развивает эти нюансы и эти оттенки.

Петрарка перечислял около 400 метафор, которыми писатель может передать понятие людской юдоли. Вместе с тем большие писатели всегда

²⁷ Лансон Г. Метод в истории литературы. М., 1911, с. 19.

²⁸ De Sanctis F. Saggi critici, Bari, v. 3, 1952, p. 323, 324.

²⁹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., т. 1, 1922, с. 315.

³⁰ Бахтин М. К эстетике слова. — В кн.: Контекст. 1973, М., «Наука», 1974, с. 278.